

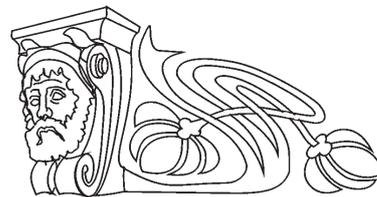

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2024. Т. 24, вып. 2. С. 133–136
Izvestiya of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy, 2024, vol. 24, iss. 2, pp. 133–136
<https://phpp.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1819-7671-2024-24-2-133-136>
EDN: ICWULA

Научная статья
УДК [1:316]+[001:1]

Трансдисциплинарность современной науки как форма социального консенсуса

Н. В. Гришечкина^{1,2}✉, В. Б. Устьянцев¹

¹Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, Россия, 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, д. 83

²Саратовский государственный медицинский университет имени В. И. Разумовского, Россия, 410012, г. Саратов, ул. Большая Казачья, д. 112

Гришечкина Наталья Васильевна, кандидат философских наук, доцент, ¹докторант кафедры теоретической и социальной философии; ²доцент кафедры философии, гуманитарных наук и психологии, natalja_grishechkina@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7480-8040>
Устьянцев Владимир Борисович, доктор философских наук, профессор, профессор кафедры теоретической и социальной философии, ystvb@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6045-7577>

Аннотация. Введение. Трансдисциплинарность может быть переосмыслена от научно-философской к социально-философской категории с помощью обращения к теоретическим конструкциям социального консенсуса. В этом случае акцентируются ее общесоциальные функции, являющиеся социально-коммуникационным эффектом трансдисциплинарных взаимодействий науки и общества. **Теоретический анализ.** Социально-философский анализ трансдисциплинарности формируется в поле категорий социальности, времени, объекта, истины и ценностей. Они раскрыты в аутопоietическом анализе общества Н. Лумана, продолжающем веберовские традиции в отношении исследования научной рациональности. Связывание в единое целое логического, аксиологического и социального планов формирования истины в диалоге науки и общества актуализируется в реальном контексте социального времени. Рост научной специализации, разрывающей единый образ науки, детерминирует аксиологизацию и этизацию научного знания. Трансдисциплинарность, основанная на социальном признании конкретного научного знания в условиях повседневности, становится инструментом собирания разрозненных академических групп в символический социальный субъект науки. **Заключение.** Трансдисциплинарная наука как гибридный социальный субъект способна к автономному коммуникативному поведению, позволяющему ей выступать агентом политики, связанной с применением научного знания и тем самым легитимировать свои притязания на социальный авторитет.

Ключевые слова: трансдисциплинарность, социальная философия, социальный консенсус, социальное время, актуальность, социально-эпистемические арены, зоны обмена, социальная коммуникация

Для цитирования: Гришечкина Н. В., Устьянцев В. Б. Трансдисциплинарность современной науки как форма социального консенсуса // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2024. Т. 24, вып. 2. С. 133–136. <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2024-24-2-133-136>, EDN: ICWULA

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Transdisciplinarity of modern science as a form of social consensus

N. V. Grishechkina^{1,2}✉, V. B. Ustyantsev¹

¹Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia

²V. I. Razumovsky Saratov State Medical University, 112 Bolshaya Kazachia St., Saratov 410012, Russia

Nataliya V. Grishechkina, natalja_grishechkina@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7480-8040>

Vladimir B. Ustyantsev, ystvb@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6045-7577>

Abstract. Introduction. Transdisciplinarity can be reinterpreted from a scientific and philosophical category to a socio-philosophical one by referring to the theoretical constructions of social consensus. In this case, its general social functions are emphasized, which are the social and communication effect of transdisciplinary interactions between science and society. **Theoretical analysis.** The socio-philosophical analysis of transdisciplinarity is formed in the field of categories of sociality, time, object, truth and values. They are revealed in the autopoietic analysis of the society made by N. Luhmann, which continues the Weberian traditions in relation to the study of scientific rationality. Linking the logical, axiological and social plans of the formation of truth into a single whole in the dialogue between science and society is actualized in the real context

of social time. The growth of scientific specialization, which breaks the unified image of science, determines the axiologization and ethicization of scientific knowledge. Transdisciplinarity, based on the social recognition of specific scientific knowledge in everyday life, becomes a tool for gathering disparate academic groups into a symbolic social subject of science. **Conclusion.** Transdisciplinary science as a hybrid social subject is capable of autonomous communicative behavior, which allows it to act as an agent of policy related to the application of scientific knowledge and thereby legitimize its claims to social authority.

Keywords: transdisciplinarity, social philosophy, social consensus, social time, relevance, socio-epistemic arenas, exchange zones, social communication

For citation: Grishechkina N. V., Ustyantsev V. B. Transdisciplinarity of modern science as a form of social consensus. *Izvestiya of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2024, vol. 24, iss. 2, pp. 133–136 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2024-24-2-133-136>, EDN: ICWULA

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Введение

Трансдисциплинарность современной науки как технология производства знания, пересекающая институциональные и социальные границы, становится актуальной проблемой социальной философии в том случае, если исследователь поднимается над анализом институциональных научных правил и процедур, пытается выявить в процессе социальной гибридизации научного знания его социальную сторону, позволяющую переосмыслить универсальные пресуппозиции всех вовлеченных в формирование такого знания участников. Как научная истина, выведенная логически и подтвержденная экспериментально, становится ядром знания, используемого активистами, современными художниками, биохакерами, дилетантами в своей повседневной жизни для творчества, развлечения и самосовершенствования? Мы попытаемся ответить на этот вопрос, показав широкие социальные связи, неизбежно оплетающие современное научное познание, и выявив их релевантность с категориальными рядами социальной философии.

Теоретический анализ

А. Ю. Антоновский, рассматривая коммуникативные и социальные условия современной науки, выдвигает и доказывает тезис о том, что понятие «научное познание» является центром связи и синтеза в единый концепт целого ряда понятий социальной философии, таких как социальность, время, (научный) объект, истина и ценности [1]. В своих рассуждениях он опирается на идеи, изложенные М. Вебером, в которых определяются коммуникативные границы науки через противопоставление истины и ценности [2, 3]. В фокусе системно-коммуникативного подхода Н. Лумана эта методологическая оппозиция получает теоретическую разработку [4].

Логика А. Ю. Антоновского направлена на связывание в единое целое логического, аксиологического и социального: «Ведь, на мой взгляд, и в случае коммуникации истины, и в случае коммуникации ценности (несмотря на все противоречие между ценностными и истинностными суждениями) коммуникации стилизуются под взаимное подтверждение общих переживаний. В этом смысле «истина» обобщает не только высказывания, но и (почти в соответствии с аксиомой Дюркгейма) группирует индивидов в научное сообщество, одновременно выводя за его пределы тех, кто высказывает ценностные суждения» [1, с. 87]. Очевидно, что в такой трактовке условием инвариантности истины становится ее консенсусная природа. Вспомним, что Вебер подчеркивал связь основания научной истины и социального времени, последнее является условием бытия первой. Любое научное открытие привязано к социальному времени, что определяет важность проблемы актуальности в науке. Актуальность – необходимый критерий научного знания и условие его развития, так как она нацеливает исследователей на его преодоление.

Не случайно, анализируя изменения, происходящие в области знания, сопоставляя староевропейскую и современную науки, Вебер обращается к мировоззренческим основаниям, определяющим место и роль истины в жизнедеятельности человека. В староевропейской науке истина являлась условием, инструментом утверждения, обоснования абсолютных ценностей, таких как Бог, Природа, Благо, что в результате определяло и социальное измерение науки. «Полагалось, что в науке имеет место особый тип добровольного принуждения или, лучше сказать, консенсуса без принуждения. Это принуждение осуществлялось, по Веберу, при помощи «понятия», открытого Платоном и Аристотелем и реализующего двойную функцию: обеспечить научное познание надежным

инструментом и задать жесткие ориентиры для согласия по итогам научной коммуникации. Понятия, словами Вебера, захватывают оппонента «в логические тиски», из которых он не может вырваться, не согласившись» [1, с. 88].

Поиск логического консенсуса был лейт-мотивом развития классической философии в целях обоснования абсолютов. При этом необходимость согласования истин и ценностей, поиска консенсуса на данном пути решалась разными способами (например, этический рационализм Сократа, средневековая философия предложила множество вариантов консенсуса на различных мировоззренческих основаниях). Но вектор развития научного познания оставался общим – «...найти понятие и значит обнаружить подлинное бытие» [1, с. 88].

Превращение науки в социальный феномен, «производительную силу общества» как ответ на вызовы рационализирующегося общества со стороны политики и хозяйства трансформировало и научное познание. По словам Вебера, «очевидно, что новейшее развитие университетского дела... идет по американскому пути. Наши большие институты медицинского и естественнонаучного типа уже давно – “государственно-капиталистические” предприятия», со всеми следствиями «отчуждения рабочего от средств производства» [5, S. 477]. В данном случае М. Вебер, используя терминологию К. Маркса, показывает, что средства производства, необходимые ученому для проведения исследований (лаборатория, кабинет и т.д.), становятся собственностью капиталистов и чиновников, т.е. от ученого его средства производства отчуждены, а сам он подвергается эксплуатации со стороны их владельцев. Согласимся с А. Ю. Антоновским в том, что данная методологическая конструкция позволяет в полной мере задействовать концептуальный потенциал современной социальной философии. Нарастание специализации в современной науке отразилось и на медицине как социальном институте. По мнению М. В. Вартофского в отношении ситуации, «когда медицинское мастерство и моральное суждение понимаются как две различных составляющих медицины, медицинская этика становится специальностью наподобие сердечно-сосудистой хирургии или ревматологии» [6, с. 421]. Усиливающаяся тенденция роста специализации обостряет необходимость выработки четких дисциплинарных критериев знания, которые дополняются требованиями моральной

ответственности, а также социальными, правовыми и религиозными вопросами [6, с. 422].

В ситуации современной науки практика поиска логического консенсуса становится менее востребованной, постепенно переходя к практике достижения этического консенсуса, от констатации истинно (ложно) к определению правильно (неправильно), следствием чего становятся этизация и аксиологизация научного знания. Так, например, Джордж Хушв отстаивал точку зрения, согласно которой «медицинские теории зависят от индивидуальных и социальных конвенций и решений о том, что мы хотим лечить и как мы хотим лечить, так же как от ресурсов, которые у нас есть для поддержания системы здравоохранения [7, с. 24]. Более панорамно она представлена Н. Луманом, у которого зрелость научной коммуникации предполагает распад веберовской научной рациональности [8, с. 666]. К этому Луман также добавляет и утрату семантического сцепления науки с остальным обществом, что объясняет невозможность «ценностного обоснования» научных утверждений. Освобождение науки от политики и религии, т.е. от социальности, приводит к утрате возможности понимать и воспроизводить новый поликонтекстный мир. В этой ситуации, как отмечает Луман, наука начинает обеспечивать разгрузку других системно-коммуникативных автономий (политика, религия, образование, хозяйство и т.д.) [4, 8]. Таким образом, формируется внутренняя дифференциация науки на функциональную часть, направленную на развитие самостоятельных научных исследований и производительную, ориентированную на поддержку основных сфер общества через научно-технический прогресс.

Системно-коммуникативная теория в ее классической форме не проводит демаркацию между междисциплинарным и трансдисциплинарным типами знания, но при этом она обладает потенциалом в анализе данных феноменов. Вектор концептуализации, заданный А. Ю. Антоновским, приводит к выводу о том, что прежде разрозненные дисциплинарные академические группы, редко по своему влиянию доходящие до статуса социального субъекта, после сборки в трансдисциплинарной интеграции трансформируются в полноценного социального актора, проводящего свою коммуникативную линию в общественных дискуссиях и политике по научным вопросам. Такой новый гибридный социальный субъект способен заявлять свое право на социальный авторитет.

Заключение

Попытки теоретического анализа консенсуса как метода преодоления разрывов между истиной и ценностью, знанием и действием и т.д. в современной социальной философии инициирует к возникновению различных концепций. Однако векторы развития данных концепций не преодолевают базовых противоречий. Так, одна линия развития данных идей под влиянием в основном Юргена Хабермаса и Джона Роулза, подчеркивает новую форму консенсуса, основанного на практике аргументации, обоснования и обоснованности. Другая линия под влиянием таких мыслителей, как Эрнесто Лаклау, Шанталь Муфф, Жак Рансьер и Мишель Фуко (среди прочих), делает акцент на практике несогласия, такой как антагонизм, риторика и телесные действия. А. Макинтайр, отмечая распространенный в современном обществе ценностный релятивизм, критически оценивает данную ситуацию поиска преодоления разрывов. С его точки зрения, ни один из способов разрешения моральных конфликтов не будет эффективным и последовательным, так как противоречие между несоизмеримыми моральными требованиями и конфликтующими «добродетелями» определяет движение к крайностям – либо иррациональному выбору, либо технико-бюрократическому протоколу. В рамках медицины тенденция преодоления разрывов и «наведения мостов» привела к возникновению новой академической дисциплины, науки и практики – биоэтике, функциональной ролью которой является выработка решений сложных морально-нравственных дилемм, а основным инструментом этой практики выступает консенсус – общественная практика поиска наиболее оптимальных морально-нравственных принципов решения этических проблем. Консенсус, сочетая в себе коммуникационные, институциональные и технологические признаки зон обмена и социально-эпистемических арен, с одной стороны, поддерживает социальную солидарность, а с другой – интенсифицирует трандисциплинарность научного знания, укореняя науку в повседневном жизненном мире цифрового общества.

Поступила в редакцию 06.02.2024; одобрена после рецензирования 19.02.2024; принята к публикации 02.05.2024
The article was submitted 06.02.2024; approved after reviewing 19.02.2024; accepted for publication 02.05.2024

Список литературы

1. Антоновский А. Ю. Научное познание как понятие социальной философии // Вопросы философии. 2018. № 12. С. 86–89. <https://doi.org/10.31857/S004287440002589-2>
2. Вебер М. Наука как призвание и профессия // Развитие личности. 2012. № 3. С. 243–249.
3. Вебер М. Наука как призвание и профессия // Развитие личности. 2012. № 4. С. 198–212.
4. Луман Н. Эволюция науки // Эпистемология и философия науки. 2017. № 2. С. 215–233. <https://doi.org/10.5840/eps201752240>
5. Weber M. *Schriften 1894–1922*. Ausgewählt von Dirk Kaesler. Stuttgart : Kröner, 2002. 827 S.
6. Вартофский М. В. Модели. Репрезентация и научное понимание / пер. с англ. ; общ. ред. и послесл. И. Б. Новика и В. Н. Садовского. М. : Прогресс, 1988. 507 с.
7. Khushf G. An agenda for future debate on concepts of health and disease // *Medicine, Health Care and Philosophy*. 2007. № 10. P. 19–27. <https://doi.org/10.1007/s11019-006-9021-7>
8. Luhmann N. *Die Wissenschaft der Gesellschaft*. Berlin : Suhrkamp Verlag, 1990. 732 S.

References

1. Antonovskiy A. Yu. Scientific cognition as a concept of social philosophy. *Voprosy Filosofii*, 2018, no. 12, pp. 86–89 (in Russian). <https://doi.org/10.31857/S004287440002589-2>
2. Weber M. Science as a vocation and profession. *Razvitie lichnosti* [Personal Development], 2012, no. 3, pp. 243–249 (in Russian).
3. Weber M. Science as a vocation and profession. *Razvitie lichnosti* [Personal Development], 2012, no. 4, pp. 198–212 (in Russian).
4. Luhmann N. Evolution of science. *Epistemology & Philosophy of Science*, 2017, no. 2, pp. 215–233 (in Russian). <https://doi.org/10.5840/eps201752240>
5. Weber M. *Schriften 1894–1922*. Ausgewählt von Dirk Kaesler. Stuttgart, Kröner, 2002. 827 S.
6. Vartofsky M. W. *Models. Representation and the Scientific Understanding*. Dordrecht; Boston; London, D. Reidel Publishing Company, 1979. 390 p. (Russ. ed.: Vartofskiy M. V. *Modeli. Rerezentatsiya i nauchnoe ponimanie*. Moscow, Progress, 1988. 507 p.).
7. Khushf G. An agenda for future debate on concepts of health and disease. *Medicine, Health Care and Philosophy*, 2007, no. 10, pp. 19–27. <https://doi.org/10.1007/s11019-006-9021-7>
8. Luhmann N. *Die Wissenschaft der Gesellschaft*. Berlin, Suhrkamp Verlag, 1990. 732 S.